

ТАРЫ-БАРЫ

ДЕКАБРЬ 1912. № 47. ЦѢНА 3 КОП.

Адресъ редакціи: Спб., Лиговская, 34. Гл. контора: Спб., Троицкая, 16.

Первый русский авіаторъ—кузнецъ Вакула
верхомъ на чортѣ.

Рождественскіе рассказы, сочиненные СЯМОЮ ЖИЗНЬЮ.

Стародавній обычай заставляет писателей къ Рождеству готовить страшные или фантастическіе рассказы.

Журналъ «Тары-Бары» всё свои рождественскіе рассказы поручилъ написать не писателямъ, не сочинителямъ, а самимъ читателямъ.

Опъ объявилъ конкурсъ, предложивъ рассказать самый ужасный случай, пережитый лично или услышанный отъ челоуѣка, пережившаго его лично.

Въ результатъ мы получили около 500 рождественскихъ рассказовъ, которые сочинила сама жизнь, сама дѣйствительность русская, нашъ бытъ, наша повседневность.

Разбираясь въ этой коллекціи ужасовъ, мы съ удивленіемъ наталкиваемся на страшный фактъ: изъ 487 ужасныхъ случаевъ 163 относятся къ встрѣчамъ съ волками.

Неужели до сихъ поръ волкъ самое ужасное явленіе русской деревни? Очевидно, такъ. Не даромъ и въ сказкѣ русской отводится волку такое большое мѣсто.

Затѣмъ слѣдуютъ ужасы пожара (53 рассказа), неурожая (41), встрѣчъ съ привидѣніями (38) и съ хулиганамъ (37).

Народная тѣмнота до сихъ поръ крѣпко вѣритъ въ привидѣнія, а во что крѣпко вѣришь, то и увидишь въ жизни вѣщавъ.

У насъ въ коллекціи имѣется 28 случаевъ таинственныхъ предзнаменованій и сбывшихся предсказаній о смерти.

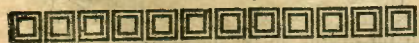
Большимъ зломъ русской дѣйствительности является машина, съ которой русскій челоуѣкъ все еще не можетъ хорошо освоиться. 24 рассказа говорятъ объ ужасахъ калѣченія машиной челоуѣка.

Большое впечатлѣніе оставили ужасы войны (21).

Остальные рассказы чрезвычайно постры по содержанию и въ большинствѣ случаевъ не ужасны: описываютъ испугъ отъ различнаго рода неожиданныхъ (встрѣча съ ворономъ, черною кошкой, совой, ужомъ, ежомъ, змѣей, тарантуломъ и даже съ мышью!).

Шестеро утверждаютъ, что самое ужасное, что они пережили, это—извѣстіе о гибели «Титаника».

Многіе прислали отвѣты въ стихахъ: Но эти, лишенные безыскусственности рассказы, мы оставляемъ въ покое.

I. Живой трупъ.

Однажды на маленькую станцію Бакинскіей желѣзной дороги, послѣ отхода вечерняго поѣзда двое огромныхъ татаръ внесли гробъ и поставили его въ комнату, гдѣ занимался начальникъ станціи, попросивъ его, чтобы гробъ побылъ до утренняго поѣзда. Начальникъ станціи позволилъ имъ оставить гробъ; татары, поблагодаривъ, ушли. Начальникъ остался одинъ въ комнатѣ, въ которой стоялъ гробъ, заперъ дверь и началъ писать. Спустя нѣсколько часовъ онъ вдругъ почувствовалъ въ комнатѣ чье-то присутствіе и инстинктивно обернувшись по направленію гроба, замеръ отъ ужаса. Гробовая крышка шевелилась. Начальникъ станціи хотѣлъ крикнуть, но крикъ замеръ у него въ груди: крышка гроба уже почти на половину приподнялась и оттуда выглянула черная физиономія. Съ быстротою молніи кинулся начальникъ къ гробу и усѣлся на него. Изнутри раздалось глухое проклятіе. Вдругъ въ дверь постучали. Сердце начальника станціи оживилось и онъ съ радостью принялъ помощь, дверь комнаты началъ съ бранью рубить. Тогда начальникъ, сидя на гробу, придвинулъ съ усиліемъ гробъ къ телеграфному аппарату и ухитрился одной рукой дать телеграмму. Когда прибылъ экстренный паровозъ на станцію, выломали дверь, нашли молодого челоуѣка въ обморокѣ. Открыли гробъ и отшатнулись въ ужасѣ. Тамъ съ искаженнымъ лицомъ лежалъ задохнувшійся разбойникъ. Въ помѣщеніи для служащихъ нашли жандарма и помощника начальника станціи, плавающими въ лужахъ крови. Начальникъ злополучной станціи весь послѣдѣлъ за эту страшную ночь и заболѣлъ нервной горячкой. Послѣ болѣзни онъ навсегда покинулъ Кавказъ. Татары, которые принесли на станцію гробъ, были пойманы. Ихъ приговорили къ публичной смертной казни черезъ повѣшеніе.

Антонина Стѣпанова.

II. Таинственное предзнаменованіе.

Въ комнатѣ вечеромъ на дачѣ кутили студенты по случаю пріѣзда ихъ товарища, который оставилъ въ институтѣ свою любимую сестру. Во время кутежа, хозяйинъ сошелъ внизъ, чтобы сдѣлать кое-какія распоряженія. Въ это время оставшіеся товарищи услышали душераздирающіе крики; конечно, всѣ ментально бросились на крикъ и нашли своего товарища въ залѣ на полу безъ чувствъ. Оказывается, пройдя черезъ залу, онъ наткнулся на что-то холодное, когда онъ зажегъ спичку, то увидѣлъ посреди залы металлическій гробъ и въ немъ свою сестру. Черезъ нѣсколько часовъ получена была телеграмма о смерти дорогой сестры отъ дифтерита и высылкъ ея тѣла на родину въ имѣніе.

Тереза Георгіевна Голубчикова.

III. Волки.

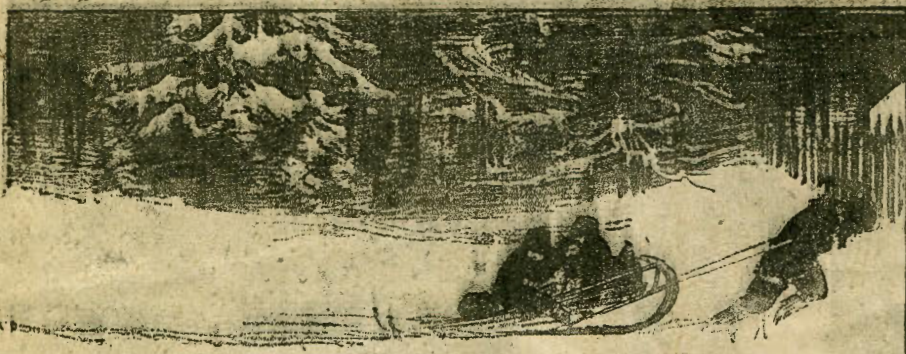
Я былъ крѣпостнымъ и по волѣ пана назначенъ лѣснымъ сторожемъ; въ тѣ времена въ лѣсахъ водилось масса волковъ, между которыми часто встрѣчались бѣшеные; однажды моя жена работала на огородѣ возлѣ сторожки, а я собирался вести корову на лугъ. Вдругъ слышу крикъ жены, да такой крикъ, что у меня волосы поднялись на головѣ. Схвативъ вилы, я бросился на огородъ, гдѣ моимъ глазамъ представилась картина, отъ которой я чуть съ ума не сошелъ: у жены все лицо залито кровью, а она схватила волка за пасть руками одной за верхнюю челюсть, а другой за нижнюю, волкъ сталъ на заднія лапы и такимъ порядкомъ они топчутся по картофельной грядкѣ, волкъ силится вырваться, а она въ страхѣ не пускаетъ. Когда я съ поднятыми вилами кинулся къ нимъ, то волкъ, увидя меня, рванулся, жена упала, а онъ убѣжалъ въ лѣсъ. Я къ ней, а она безъ чувствъ; принесъ воды сталъ отливать ее, она пришла въ чувство и спрашиваетъ меня: «что, здорово онъ испортилъ мнѣ лицо?» (она была красива и боялась за свое лицо), а я смотрю на нее и не знаю, что ей говорить: носъ оторванъ, а лицо виситъ кусками. Привелъ ее въ сторожку, уложилъ въ кровать, а самъ повелъ корову на лугъ, иду къ сторожкѣ межью между спѣющею рожью, вдругъ смотрю—навстрѣчу мнѣ бѣжитъ волкъ, а у меня въ рукахъ, кромѣ веревки, на которой я водилъ корову, нѣтъ ничего, а волкъ уже вошь меня, но я, не зная, ударилъ его веревкою. Онъ опять ко мнѣ—я его другой разъ и такъ съ нимъ бился съ полчаса, но наконецъ, я угодилъ его по головѣ. Онъ упалъ, я не далъ ему подняться, до тѣхъ поръ билъ, пока онъ не околѣлъ. Жена вскорѣ умерла отъ бѣшенства въ страшныхъ мученіяхъ.

Р. Д. Коваль.

IV.

Встрѣча съ медвѣдемъ.

Жилъ я въ деревнѣ, и пошли мы съ 10 лѣтнимъ двоюроднымъ братомъ за грибами. Ушли мы версты за три въ лѣсъ, набрали грибовъ, идемъ домой. Возлѣ рѣки, смотрю, медвѣдь разрываетъ муравейникъ. Мы закричали. Медвѣдь всталъ на заднія лапы и идетъ къ намъ. Братъ упалъ въ обморокъ, медвѣдь набросился на меня. Я все кричалъ и отмахивался корзинкою съ грибами, ебилъ онъ меня съ ногою. Тогда я притворился мертвымъ и лежалъ безъ ды

хания. Тогда медведь зарыл меня мелким хворостом и отошел. Спустя несколько времени, я вылез из-под хвороста, привел в чувство брата и мы благополучно перебрались через реку. После этого недёлю пролежал больным.

Константинъ Васильевъ.

V.

Нѣтъ покоя.

Какъ-то, въ осенній длинный вечеръ, сидя у пылающаго камина, мой уже спящій вѣчнымъ сномъ дядя—известный докторъ—рассказалъ мнѣ исторію, случившуюся съ нимъ въ бытность его студентомъ въ московскомъ университетѣ. На окраинѣ матушки-столицы онъ съ двумя товарищами-медиками готовился къ государственнымъ экзаменамъ. Тусклый свѣтъ лампы, человѣческіе черепъ и кости на столѣ, тишина ночи, напряженные нервы... Вдругъ слышать ясно раздавшійся звонъ цѣпей и тяжелую поступь. Всѣ притаили дыханіе... Свѣтъ лампы заколебался, какъ-бы отъ дуновения вѣтра, ворвавшася въ комнату, и на порогѣ безшумно открывшейся двери они увидѣли скелетъ человѣка, закованный въ цѣпяхъ и манившій костлявою рукою... Сначала всѣ растерялись, но когда скелетъ сталъ удаляться къ выходу, последовали за нимъ... Долго маячилъ онъ въ темнотѣ ночи, блестя своей бѣлизною, пока не исчезъ въ одномъ изъ подземелій во дворѣ... На слѣдующій день, по просьбѣ студентовъ, въ этомъ погребѣ разрыли землю и, дѣйствительно, нашли скелетъ человѣка, скованный цѣпями... Такъ человѣкъ, страдавшій въ жизни, не могъ примириться съ тѣмъ положеніемъ, которое досталось въ удѣлъ ему послѣ смерти и усталая; измученныя кости его искали покоя и мира, не найдя его въ мирѣ печали и слезъ.

М. А. Караманенко.

VI.

Авиаторъ.

Самое ужасное происшествіе, которое я пережилъ лично, это паденіе Мацѣвича. Около аэроплана Мацѣвича стояла группа механиковъ, дѣлающая послѣднія приготовления. Но вотъ Мацѣвичъ идетъ къ своему аэроплану. Садится. Пускаетъ моторъ. Моторъ заработалъ, но все же сразу подняться вверхъ аэропланъ не могъ. Точно какая-то невидимая сила притягивала его къ землѣ. Но мало-по-малу аэропланъ осиливалъ это тяготѣніе и вдругъ, сразу, могучимъ порывомъ сталъ подниматься вверхъ, все выше и выше. О чемъ думалъ Мацѣвичъ? Знали ли онъ, что ему сейчасъ грозитъ смерть?.. Бензино-моторъ работалъ во всю. —Разъ-разъ! разъ-разъ!... —хрипло вырывалось изъ его пасти и гулко доносилось до земли. Но вотъ что-то неладно съ аэропланомъ. У всѣхъ присутствующихъ глаза устремились на едва замѣт-

ный аэропланъ. Всѣ поняли, что произошло несчастье. Аэропланъ летѣлъ на землю, со страшною молниеносною быстротой. Наблюдавше за полетомъ аэроплана вскрикнули, смертельно поблѣднѣли, и общій крикъ испуганной толпы, гулкимъ эхомъ прокатился по аэродрому. Секунда, другая, еще—и аэропланъ, вмѣстѣ съ Мацѣвичемъ, грохнулся на землю. Сейчасъ же вся толпа побѣжала къ мѣсту паденія Мацѣвича. Отъ его аэроплана не осталось и слѣда, а лежала одна исковерканная желѣзная масса. Самъ Мацѣвичъ лежалъ уже мертвый, придавленный своимъ моторомъ. Всѣ присутствующіе сняли шапки и, невольно перекрестились. Такъ погибла первая жертва русскаго воздухоплавания. Вотъ то ужасное происшествіе, которое я рассказалъ вамъ сейчасъ. Мацѣвичъ показалъ примѣръ храбрости и показалъ другимъ, какъ нужно умирать со спокойной улыбкой на устахъ.

А. Сидневъ.

VII.

Лифтъ.

Жили мы въ седьмомъ этажѣ. Жена утромъ ежедневно отправлялась на курсы. Заслышавъ, бывало, шумъ поднимающагося лифта за стѣнкой, пользуемся случаемъ, и она занимаетъ мѣсто поднявшагося, чтобы спуститься не по лѣстницѣ. Какъ-то разъ замедлила выйти изъ квартиры, дверца захлопнулась за вышедшими. Я поторопился сквозъ скважину въ сѣткѣ отомкнуть дверцу, но лифтъ уже началъ спускаться. Жена прыгнула и покочнулась. Одно мгновение—и разожжила бы голову. Сквозъ сознаніе промелькнула эта возможность. Лифтъ опускается. Вглядываюсь. Упа-

ла на стулъ. Не помню, какъ очутился при выходѣ внизъ. Спаслась, упала на колѣни. Съ тѣхъ поръ не могу спокойно смотреть на лифтъ. Прошелъ уже на одинъ годъ. Сжимается сердце. Когда вспомню тотъ моментъ, когда она покочнулась подъ гильотину.

Д. Н. Фирсановъ.

VIII.

Подъ свистомъ пули.

Производилась учебная стрѣльба. По окончании стрѣльбы солдаты бросились къ мишенямъ заклеивать пробитыя мѣста. Я—мнѣ было лѣтъ 12—со своими товарищами Р. Д. и В. последовалъ за солдатами копать и подбирать у мишеней пули,—я какъ-то отделился отъ своей компаніи и, попавъ на «жирное», какъ мы выражались, мѣсто, набивалъ пулями карманы. Меня никто не замѣтилъ, такъ какъ изъ-за камней увидѣть меня было трудно. Вдругъ раздалась команда «пли!» Я обомлѣлъ и со страха упалъ межъ камней, какъ подкошенный. Посыпалась частая дробь выстрѣловъ. Я хотѣлъ крикнуть, но изъ груди вырывался какой-то хрипъ... Трудно описать, что я тогда думалъ. Надо мной свистали десятки, если не сотни, пули, нѣкоторыя ударялись въ прикрывавшій меня камень и рикошетомъ, взвизывая, неслись въ высъ; другія тутъ же и падали, или взрывали по бокамъ камня землю, вѣрнѣе, осеннюю грязь, брызги которой попадали мнѣ въ лицо... Умолкли выстрѣлы. Стрѣльба кончилась. Я еще минуту пять пролежалъ, потомъ быстро вскочилъ на ноги и, задыхаясь, убѣжалъ домой, не объяснивъ товарищамъ причины бѣгства.

И. П. Заринъ

на праздникъ.

IX.

Змѣя.

По волѣ судьбы, мнѣ пришлось оставить туманный Петербургъ и отправиться на югъ, оставивъ горячо любимую дѣвушку мѣсяца на три. На югѣ я любовался его красотами, наслаждался горячимъ солнцемъ, но всё его прелести не могли заставить меня забыть о миломъ Петербургѣ, гдѣ я оставилъ свою любимую, оставилъ свое сердце.

Короткую радость давали мнѣ только письма любимой дѣвушки, да сладкіе сны, уносящіе меня въ міръ грезь.

Однажды, возвращаясь съ дѣловой поѣздки домой, измученный дорогой, зноемъ и застигнутый непогодой, я остановился переночевать на полъ-пути отъ дома, у одного мѣстнаго жителя. Утомленный я быстро заснулъ въ отведенной мнѣ комнатѣ.

Мнѣ приснилось, что я пріѣхалъ въ Петербургъ, и на вокзалѣ меня встречаетъ любимая дѣвушка.

Радостно и крѣпко обняла она меня за шею, но ея руки почему-то были холодныя, какъ ледь.

Я хотѣлъ притянуть ее, поцѣловать, но холодныя руки возбудили во мнѣ отвращеніе. Я воскрикнулъ и... проснулся. Невыразимый, леденящій душу, ужасъ охватилъ меня: мою шею крѣпко обвивала змѣя! Отвратительная ея голова была прямо у моего лица, изъ разинутой пасти къ моимъ губамъ тянулось ядовитое жало. Я былъ беспомощенъ, какъ ребенокъ, я не могъ кричать, не могъ шевельнуться, чтобы не потревожить змѣю.

Ея глаза загнипнотизировали меня, заставляли терпѣть адскія муки ужаса, пережить мучительную агонию.

Только мѣткій выстрѣлъ хозяина дома, разможжившій голову змѣи, положилъ конецъ моей мукъ.

А. И. Павловскій.

X.

Баринъ.

Самое страшное для нашей сестры—прислуги—баринъ. Отказать боишься, мѣсто потеряешь, а согласиться противно и ужасно, особливо въ первый разъ. Никогда не забуду той ужасной ночи—да будутъ онѣ прокляты!

Алилушка.

XI.

Бой подъ Люле-Бургасомъ.

...Сраженіе было въ самомъ разгарѣ... Вотъ надъ головой послышался неприятный, рѣжущій ухо, звукъ. Это пролетѣла шрапнель. Невольно присѣдаешь на сѣдлѣ, несмѣтра на то, что снаряда уже давно нѣтъ, а это только колебаніе воздуха. Все время надъ тобой витааетъ смерть. Вотъ маленькая пуля, жужжа, словно жучекъ, пролетѣла мимо самого уха. Да не одна, а сотни такихъ!.. Все время идешь навстрѣчу смерти, зная, что никуда нельзя отъ нея спрятаться. Но вотъ меня что-то кольнуло, и я лишился чувствъ. Когда я очнулся, было уже темно. Я лежалъ въ госпиталѣ. Вы не можете себѣ представить того, что тамъ дѣлалось. На весь госпиталь одинъ врачъ, два фельдшера, а больныхъ тысячи. Крики умирающихъ и стоны раненныхъ слились въ одинъ невнятный гулъ. Возлѣ меня лежалъ больной, при одномъ взглядѣ на котораго волосы становились дыбомъ. Это былъ живой мертвецъ: со всего тѣла сочилась кровь, одного глаза не было совсѣмъ, а вмѣстѣ моего зѣла кровавая рама; она стояла,

Съ картины худ. Рябушкина.

но напрасенъ былъ вопль умирающаго: никто не оказывалъ ему никакой помощи. Въ эту ночь я испытывалъ столько ужасовъ, сколько не испытывалъ за всю жизнь. Я весь посѣдѣлъ. Теперь вы меня навѣрно не узнали бы...

А. Б. Фридманъ.

XII.

Ужасъ типографіи.

Еще свѣжъ въ моей памяти ужасный случай, постигшій моего лучшаго друга С. Не одинъ годъ мы проработали вмѣстѣ съ нимъ въ типографіи П. Зузуля, въ Юзовкѣ, печатниками. Случай, про который я имѣю вамъ разсказать, относится къ 15 января 10-го года. За мѣсяцъ до этого старшій печатникъ уволился со службы, и С. остался временно исполнять его должность. Въ злополучный день, за неимѣніемъ лишнихъ рукъ, мой другъ работалъ на двухъ машинахъ: на одной, приправивъ календарь, поставилъ накладчика, а на другой работалъ самъ синемаграфическую афишу въ двѣ краски; уже черная была отпечатана. Смывъ на-спѣхъ валики, онъ вакаталъ красную и пустилъ машину рвочивать краску, самъ же на ходу

машины вытиралъ деревянный валь. Вдругъ слышу крикъ: «рука!» — я оборачиваюсь и, о, ужасъ! С. попалъ рукою между валомъ и барабаномъ машины. Ужасъ сковалъ всехъ присутствующихъ, всѣ какъ-то растерялись, я не могъ смотрѣть на сжатую кулакомъ съ разбитыми пальцами правую руку С. Все вокругъ меня потускиѣло и, какъ сквозь сонъ, я слышалъ мольбы товарища о помощи. Помню, какъ звалъ меня отнять валь. Страхъ ли или сознание своей безпомощности побуждали меня бездѣйствовать. Очнулся я, когда потерпѣшаго освободили. Я, стора я стыда отъ бездѣйствія во время случая, тутъ же разрыдался.

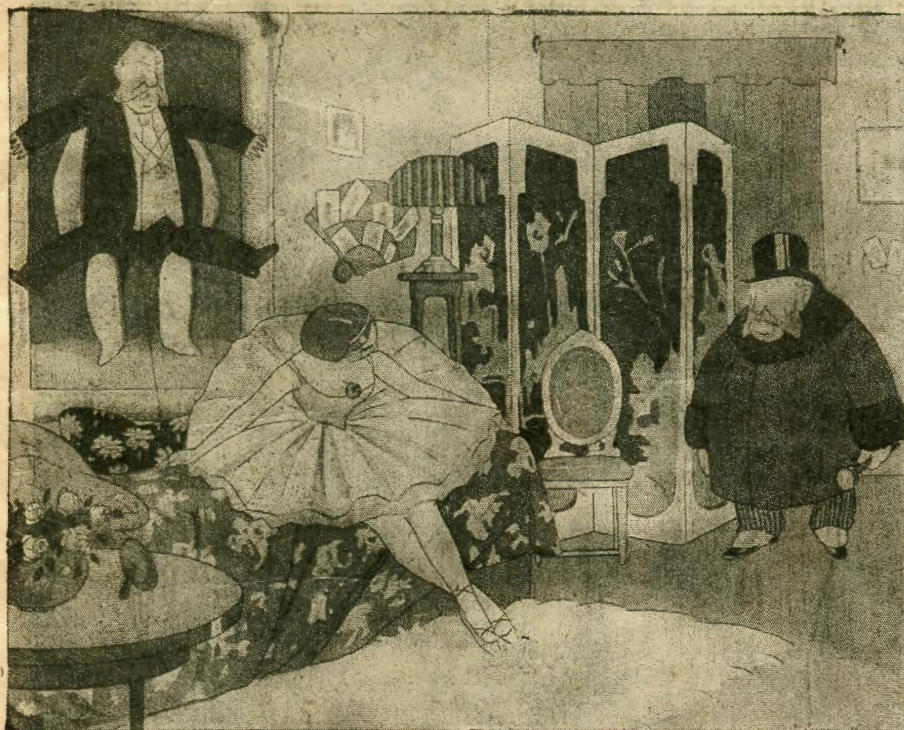
Ф. Коханский.

XIII.

Подъ крестомъ.

Было далеко за полночь, поспѣшно возвращался изъ театра на окраинѣ города, мнѣ приходило мимо дѣла не было мѣсть и, между прочимъ, кладбища. Мнѣ

на промерзшую тропинку. У кладбища я услышалъ неясные человѣчскіе крики. Я весь задрожалъ и съ большимъ страхомъ продолжалъ свою дорогу. Вскорѣ, однако, эти звуки сдѣлались для меня болѣе ясными, и я понемногу началъ распознавать силуэтъ какого-то человѣка, который съ большимъ усиліемъ старался вырваться изъ-подъ креста. Волосы у меня стали дыбомъ, и я не зналъ, на что рѣшиться. Вдругъ человекъ этотъ грохнулся на землю и больше не издавалъ ни звука. Ужасъ охватилъ мое тѣло, и я думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе добраться до квартиры. Черезъ четверть часа я уже лежалъ въ кроваткѣ, переваливаясь съ боку на бокъ, и пѣливо ждалъ наступленія утра. Утромъ разсказали, что этотъ человекъ мертвъ.

— Посмотрите, что такое делается съ моимъ портретомъ!
— Онъ разводитъ руками, види, что вы являетесь ко мнѣ безъ рождественскаго подарка...

XIV. Привидѣніе.

Лѣтъ десять тому назадъ я служилъ въ депо при станціи Уральскъ. Во время ночного дежурства мы съ товарищемъ стояли около паровоза, онъ держалъ свѣчу. Вдругъ въ темнотѣ изъ-за паровоза вышла фигура во всемъ бѣломъ въ видѣ человѣка. Отъ ужаса я не могъ двинуться съ мѣста. Товарищъ мой также замѣтилъ фигуру. Бросивъ свѣчу, онъ кинулся бѣжать. Я кое-какъ вошелъ на паровозъ, а бѣлая фигура направилась за бѣжавшимъ. Черезъ нѣкоторое время

я услышалъ нечеловѣческой крикъ и все смолкло. Не знаю, сколько прошло времени; когда я опомнися, взялъ свѣчу и пошелъ къ выходу, но на дорогѣ въ помѣщеніе депо встрѣтилъ товарища, лежавшаго на землѣ съ закрытыми глазами; на губахъ его была видна кровь. Живого въ помѣщеніи больше никого не было. И бѣлой фигуры также не видно было. Я не зналъ, что дѣлать и куда итти. Дальше не пошелъ, а вернулся на паровозъ и сталъ ожидать свѣта. Утромъ все выяснилось, а именно: по сосѣдству съ депо была сторожевая

Испанка изъ „Аполло“.

Предъ испанкой изъ «Аполло»
Я стою въ смущеніи solo,
На щекахъ горитъ румянецъ...
— Ахъ, зачѣмъ я не испанецъ?!
Впрочемъ, помню слово: «Донна»...
Донна... моя... примадонна...
Ва! Сорбона, Барселона,
Вона, Рона, Дездемона,
Андалузія, Севилья,
Инезія и Мантилья,
Онъ, гитара, кастаньеты,
Бывавилы и пезеты,
Мэро, дрей-мадера,
Того и сомбреро,

Взявъ гитару,—серенаду
Затяну на всю Гренаду:
— О, Пенита, о, Пенита,
Я—отчаяннѣй бацита,
И, безъ жалости и страха,
Рѣжетъ всехъ моя навеха!
О, забудь скорѣй тороеро—
Подарю тебѣ сомбреро!
О, Пенита, о, Пенита,
Я взорвусь отъ динамита,
Динамита пылкой страсти,
На невидимыи части,
О, бѣжимъ скорѣй, безъ слѣда,
Къ чорту, къ дьяволу, въ Толедо,
Все равно—куда пошло,
И, клянусь клинкомъ кинжала,—
Я куплю тебѣ мантилью,
А въ придачу,—всю Севилью...
На послѣднія-жъ пезеты—
Купимъ домъ и кастаньеты!
Но, надменно и сердито,
Отвѣчала такъ Пенита:
— «Ахъ, не надо мнѣ Гренады,
Ни пезетъ, ни серенады!
Даромъ глотки не трепли:
Дай на память—три рубли!»

Н. Агнивцевъ.

будка и тамъ нашли лежавшаго на печъ сторожа, молодого парня, который за какіе-нибудь 4 часа съдѣлалъ совершенно съдымъ, а рядомъ съ нимъ лежалъ во всемъ бѣломъ сумасшедшій, который бѣжалъ въ эту ночь изъ больницы и былъ, какъ оказалось, бывшимъ служащимъ этого депо. Товарищъ мой, когда бѣжалъ въ темнотѣ, ударился гр... обо что-то.

Губаревъ.

XV.

Пожаръ въ деревнѣ.

Въ деревнѣ ужасный пожаръ. 10 избъ охвачено дымомъ. Пламя волновалось, какъ море. Крики... стоны... Чей-то плачь и мягкая мольба о помощи, и ужасный крикъ: «ломать!»—слились въ одинъ ужасный гулъ. Женщина бѣгала, рвала волосы, просила толпу: «Дѣти, мои! спасите! спасите, ради Бога, моихъ дѣтей!» Голова не убрана, и она походила на помѣшанную. Народу бѣжалось много. Все были готовы помочь. Но броситься въ огонь, рискнуть жизнью,—на это не было смѣльчаковъ. Кто съ ведромъ, кто съ топоромъ, а главнаго, пожарной трубы, не было. Но пламя такъ и забирало избу за избой. «Дѣти, дѣти!»—отчаянно кричала женщина, подбѣгая къ дому, обливаясь слезами, и безъ чувствъ упала на землю. Парень Василий, въ одной рубахѣ, безъ шапки, торопливо подошелъ къ горѣвшей избѣ.—«Помолитесь, православные!»—громко крикнулъ онъ народу. И началъ быстро взбираться на кровлю по бревнамъ угла. Взобравшись, спустился въ избу. Все съ нетерпѣніемъ ждали его. И вотъ онъ появился на крышѣ, имѣя трѣхлѣтнюю дѣвочку въ рукахъ. Безъ чувствъ, задыхаясь въ дыму. «Возьмите, возьмите, скорѣе бе!»—громко сказалъ нашъ смѣльчакъ. «Тамъ еще!»—и съ этими словами скрылся. Все ждали и усердно крестились. И вотъ на крышѣ спаситель со сверткомъ въ рукахъ. «Возьмите, я опускаюсь!»—говоритъ, онъ передавая свертокъ внизъ. Но въ это время обрубъ рухнулъ съ Нильемъ. Все бросились къ грудѣ огня... Разобрали—Василій ужъ мертвъ.

Г. И. Ивановъ.

На маскарадъ.

Тепло и тѣсно, какъ въ желудкѣ
Новорожденнаго вѣта...
Замаринованныя шутки
Уныло пруть изъ усть въ уста!..
Снуютъ, жужжать, какъ мухи лѣтомъ,
Размокшихъ масокъ табуны:
Шьеро... цыганки... и при этомъ—
Одинъ въ одинъ всѣ, какъ блины!..
— «Позвольте, гордая маркиза,
Вамъ бросить трепетный сонетъ?...»
И отвѣчаетъ вдругъ маркиза:
— «Кушите лучше мнѣ браслетъ»...
...Иду въ буфетъ съ разбитымъ сердцемъ,
Тяну коньякъ... въ мозгахъ—банканъ...
Затѣмъ-то перчу носъ свой перцемъ
И ясно чувствую, что пьянъ!..
И снова молодъ, полонъ счастья
И откровененъ, какъ зулусъ...
И хоть легко могу упасть я,
Но ничего ужъ не боюсь!..
...Танцуютъ пары по указкѣ,
Какъ куклы,—чинно: разъ, два, три...
...— Да, сбросьте-же, наконецъ, вы маски!
Да смѣйтесь-же, чортъ васъ дери!»
Н. Агнивцевъ.

— Дуррашка... Держись за меня и ты не упадешь...

Возвращеніе до́мой на Рождествѣ.

— Что я, пьянъ что ли?.. Въѣсто одной замочной скважины вижу двѣ...

Собаки въ XX вѣкѣ

